

МОСКВА. 2014 ГОД

Между двумя соседними могилами стояла большая береза. Никто не знал, кто и когда ее сюда посадил. С весны и до поздней осени она красиво склонялась над землей и становилась естественным зеленым шатром, «оберегая» покой усопших. Егор отворил маленькую железную кованую калитку. Он подошел к могильному камню и, присев на корточки, убрал засохший букет.

— Ну, здравствуй! Прости, что давно не приходил. Командировка... очередная, понимаешь?!

Мужчина достал из-за гранитного надгробия сложенную тряпочку и тщательно протер холодный камень. Могила всегда была ухоженной — ему нравилось тут «наводить порядок».

Весна в этом году хоть и была ранней по московским меркам и снег везде растаял, но все равно было холодно, мокро, грязно. Егор развернул вошпенную бумагу со свежими желтыми розами — ее любимые цветы — и поставил их в небольшую каменную вазу у изголовья. Он еще немного посидел на скамейке между могилами, которую установил

кто-то из родственников похороненного в соседней могиле человека. Егор долго, почти шепотом разговаривал с ней, рассказал все последние новости, в очередной бесчисленный раз повторил, как сильно скучает...

В первое время мужчина приходил сюда почти ежедневно. Потом через день, потом через три, потом...

— Здравствуй, дорогой! — услышал Егор за спиной приветливый голос Алишера.

— Привет! — поздоровался он с работником кладбища.

— Все хорошо?! Давно ты не приходил. Я думал, может, заболел! Но не беспокойся, я, видишь, тут все убрал, все почистил.

— Спасибо тебе.

В нагрудном кармане куртки Егора вот уже несколько минут вибрировал мобильник. Сейчас ему совершенно не хотелось ни с кем разговаривать, и он достал маленький кнопочный телефон, чтобы сбросить вызов, но, увидев высветившийся на дисплее номер, понял, что лучше ответить.

— Слушаю! Да. Буду через час. Ясно! Во сколько вылет?

Он еще минуту постоял, затем нежно провел рукой по фотографии на камне.

— Прости, мне пора.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

Пара шагов назад — и Егор оказался уже за оградой.

— Алишер, меня не будет какое-то время. Пригляди тут за могилой... и цветы поменяй, когда эти завянут... Ну, в общем, ты сам все знаешь.

Егор достал из кармана купюру, протянул ее исполнителю таджику и, не оборачиваясь, пошел в сторону машины.

РОССИЯ. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Над небольшим селом поднимался сырой утренний туман. В горах рассвет всегда холодный, даже если днем было тепло. У Егора затекло все тело. Вот уже несколько часов они, не шевелясь, на пару со своим боевым товарищем Голиафом, лежали за большими валунами в засаде. Расстояние между ними было приличное, рассчитанное по принципу «ножниц» для стрельбы по предполагаемому противнику. В маскхалатах, обложенные со всех сторон мхом, с тщательно замаскированными «веслами»¹, они не могли себе позволить даже пошевелиться. Прямо перед Егором на расстоянии в пару метров за стебелек цветка зацепилась какая-то веточка, очевидно, принесенная ночным ветром. Она назойливо колыхалась на ветру. У Егора от этого постоянного покачивания чертовой веточки

¹ Винтовка «СВД» — жарг. Здесь и далее прим. автора.

нервы были уже на пределе. Но ни отодвинуться, ни убрать ее он не мог.

— Профессионал хренов, все рассчитал, а ветку не учел, — проворчал он про себя.

Задание было очень важным. Наши давно уже безуспешно охотились за этим типом. Он вербовал для боевиков пополнение в разных странах, в основном в Средней Азии. Несколько раз «заезжал» к нам на Кавказ. Но выследить его никак не удалось. Наконец с большим трудом контрразведка с помощью внедренных в стан противника агентов сумела выйти на него. Ребята с ночи засели на окраине горного дагестанского села.

Снайперы контролировали выходы из указанного оперативниками дома. Было раннее утро — самый сложный момент в операции. Ночные приборы уже не действовали, а воздух по-прежнему не был до конца прозрачным.

Егор еще раз внимательно оглядел прилегающие к нужному дому улицы и дворы. Хоть в деревнях и вставали рано, но пока никакой активности не наблюдалось. Тишину нарушало только веселое, громкое щебетание птиц, очевидно, приветствующих приход весны.

— Он вообще здесь? — послышался в наушнике голос Голиафа.

— Если верить разведке, здесь, — спокойно ответил Егор своему стрелку.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

Голиаф находился в четырехстах метрах справа от него и нервно поглядывал на часы.

— Скоро стада овец пойдут с собаками. Нас точно раскроют, начальник, — предупредил он.

— Хватит меня уже начальником называть! — сдержанноотреагировал Егор. Его раздражало это неуставное словечко — обращение из жаргона воров и их антагонистов. А Голиафа, наоборот, веселило, когда ему удавалось «пробить» броню спокойствия и уверенности, присущих его командиру.

— А кто ты еще?! Начальник, он и есть начальник! — с усмешкой сказал стрелок. — Так что делать будем? Засекут нас, как пить дать!

— Не засекут. Собаки нас не учуют. После такой-то обработки этой вонючей мазью... Не зря я Димку заставил из Германии самую лучшую привезти. Двести евро за нее отдал, — с досадой произнес Егор.

— И чего это наши не додумаются такую же сделать? От нашей одни только бабы шарахаются. А немецкая — сила! Натерся, и все — ни одна сука неделю не подойдет! — проворчал Голиаф.

— Так у немцев опыт какой! Они на этих овчарках собаку съели! — усмехнулся каламбуру Егор.

— И что мы за люди такие! Полночи сидим, и каждое второе слово — то сука, то собака, то овчарка... то немцы.

— Ща, как объект наш увидишь, так поймешь, что собаки намного лучше.

— И сколько нам еще сидеть? А если он вообще сегодня не выйдет?

— Сидим до последнего, — немного помедлив, приказал Егор. — И еще. Палиться нам никак нельзя. Они в гостях у человека, который вынужденно пошел с нашими на контакт. Раскроют нас — завалят его со всей семьей сразу, для профилактики...

— Вижу движение, начальник! — перебил напарника Голиаф.

Егор посмотрел в прицел и увидел, как в нужном им дворе открылись зеленые деревянные ворота. Из них выехал синий джип с затемненными стеклами и двинулся по грунтовой дороге в сторону границы с соседней республикой. Водительское стекло автомобиля было приспущено, и Егор неплохо разглядел водителя в кепке и молодого бородатого пассажира в военной форме, расположившегося на переднем сиденье.

— Стреляем по готовности. Мой — правый!

Через пару секунд, практически синхронно, ребята из засады произвели по одному выстрелу. Сидевшие на переднем сиденье боевики дернулись и откинулись на руль и разбитое боковое стекло. Машина проехала еще метров пятьдесят и уперлась в обочину. Задние двери резко распахнулись, и из

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

джипа выскочили еще два боевика. Один из них, высокий темноволосый крепыш, успел несколько раз выстрелить в сторону Егора, прежде чем его настигла пуля Голиафа. Второй мужчина был постарше и посolidнее других. Целью сегодняшней охоты являлся именно он. Боевик вытащил из машины упирающуюся девочку лет двенадцати в синем платье и, прикрываясь ею, как щитом, стал палить из автомата в направлении стрелявших. Мужик перебежками пытался отступить к дому, откуда они только что выехали. Худенькая темноволосая заложница плакала и пыталась вырваться из крепко схвативших ее рук, чем только злила боевика. Мужчина крепко держал ее перед собой и грубо толкал, что-то громко выкрикивая, но из-за приличного расстояния Егор не мог его слышать. Он никак не мог прицелиться в террориста, так как ребенок все время двигался, пытаясь отцепить от себя руку мужчины и не давая возможности стрелку захватить и удержать объект в прицеле. Внимание Егора отвлекло какое-то движение со стороны дома. Он быстро перевел взгляд в ту сторону, и его прошиб холодный пот. Из деревянных ворот, держа автомат в руках, выбежал, по всей вероятности, отец девочки и бросился на помощь своему ребенку. Но боевик опередил его и точным выстрелом ранил мужчину в бок. Раненый упал на одно колено и тяжело поднял автомат. Превозмогая сильную боль, он прицелился в боевика, но выстрелить не рискнул —

понимал, что может попасть в девочку. От бессилия мужчина опустил оружие и стал заламывать руки. Тем временем у боевика заклинило автомат. Крепко выругавшись, он отбросил его в сторону и достал из кармана пистолет. Бандит приставил оружие к голове девочки и стал что-то кричать ее отцу, возбуждаясь все больше и больше. Несчастный мужчина стал отвечать и просить бандита отпустить заложницу, но тот вдруг вскинул руку и выстрелил, ранив отца еще и в плечо. Бедная девочка, и так напуганная до полусмерти, увидев, что ее родной человек истекает кровью, резко дернулась, освободилась от руки стрелявшего и бросилась к отцу.

— Папа! Папа! Не умирай!

Боевик этого никак не ожидал и на секунду полностью открылся. И снайпер наверху не преминул этим воспользоваться. Егор молниеносно нажал на спусковой крючок, и его пуля нашла свою жертву. Но за долю секунды до смертельного ранения озверевший бандит выстрелил в спину бежавшей к отцу девочки. Раненый отец увидел, как его дочь упала. Он в отчаянии замер и ждал, когда девочка сделает хоть какое-нибудь движение, но она больше не подавала признаков жизни. Несчастный издал нечеловеческий рык. Воя и проклиная все и всех на свете, он пополз в ее сторону. Но девочке уже ничем нельзя было помочь — пуля попала ей прямо в сердце. Из дома с криками и плачем выбежали

несколько женщин, которые наверняка наблюдали за происходящим на улице из окон, и со всех ног бросились на помощь ребенку...

СИРИЯ. КЕСАБ

Снаряд, выпущенный из гранатомета, разорвался совсем рядом с баррикадой, наскоро сооруженной из подручных средств.

— Отец! — закричал молодой человек лет двадцати и побежал в ту сторону.

— Не надо! Не надо тебе это видеть! — остановил его Арам. — От него мало что осталось. — Он кивнул в сторону окровавленных останков их товарища.

Арам прижал к себе рыдающего сына дяди Аршо. Юноша пытался вырваться из объятий, но крепкие руки ему этого не позволяли. У самого Арама в глазах стояли слезы, а на скулах ходили желваки: «Сколько же еще это будет продолжаться?»

— Арам, нам раны нечем перевязывать! Все закончилось! — подбежал к ним Доктор, как называли ополченцы Бедроса — студента мединститута из Дамаска, пару дней назад прорвавшегося в город для помощи своим родным и близким. «Работы» тут у него было сверх меры. Руки и одежда Доктора были перепачканы кровью.

— У нас в подвале целая коробка бинтов должна быть. Я быстро, — взглядом Арам указал на юношу,

крепко прижавшегося к нему, и Бедрос, приобняв, повел его в сторону от останков отца.

Арам, воспользовавшись передышкой в бою, побежал по дорожке, ведущей прямо к его дому. Это было совсем близко. Он миновал раньше всегда ухоженный зеленый газон, на котором до сих пор стояли детские качели и песочница его детей. Быстро свернул с мостовой на песчаную дорожку. Увидев свой дом, мужчина горько усмехнулся. Это был один из самых красивых домов Кесаба. Он сам его спроектировал, впрочем, как и еще многие постройки в их городе. Ведь по профессии Арам был архитектором. Он поставил автомат на предохранитель, перекинул его уже ставшим привычным движением за плечо, забежал в дом и, держась одной рукой за стену, спустился в подвал. Электричества в городе уже давно не было. Когда Арам с коробкой бинтов был у самого выхода из подвала, ему показалось, что в доме кто-то разговаривает. Это удивило ополченца! Он был абсолютно уверен, что его семья покинула город с остальными беженцами. Хозяин дома поставил коробку на пол и, вскинув автомат, потихоньку приоткрыл дверь в комнату.

— Аствац!¹ Почему вы все еще здесь? Я же велел вам уходить вместе с семьей Меружана! — в ужасе воскликнул он, увидя в комнате жену, детей и сво-

¹ Господи! (арм.)

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

яченицу. — Ты что, не понимаешь, что они с вами сделают? Хоть о детях подумала бы!

— Ты жив! Слава Богу! — радостно воскликнула красавица Ашхен. — Прости меня, прости! Мне было так страшно! Я даже не знала, жив ли ты! — кинулась она к мужу.

— Дура! Какая разница — жив или нет! Детей надо спасать! Быстро бегите в церковь! Оттуда с минуты на минуту будут всех эвакуировать! — оттолкнул Арам от себя жену.

Он опустил на колени, обнял детей.

— Запомни, ты — мужчина! — твердо сказал он своему маленькому сыну. — Что бы ни случилось со мной... с нами — идите в Бейрут, к бабушке. Ты понял меня?! И позаботься о сестре!

Арам перевел взгляд на свою маленькую дочурку, дотронулся до ее замечательных пружинистых кудряшек, и на его глазах появились едва заметные слезы.

— Вы армяне, помните об этом! Никогда не забывайте вашей фамилии! Вы — Таниеляны! Таниеляны!

Услышав звуки возобновившегося боя, отец быстро обнял сына и дочь, с досадой посмотрел на жену и, махнув рукой, выбежал из дому.

— Арам! Арам! Подожди! — Ашхен устремилась вслед за мужем. — Прости меня! Не уходи так! Я все... все сделаю, как ты сказал!

Она подбежала к Араму. Тот схватил ее в охапку, заглянул в любимые бездонные темно-зеленые глаза и крепко прижал к себе.

— Прости! Я просто очень... очень люблю вас! А сейчас — беги! Спасай детей!

И тут, слишком поздно, он услышал характерный свист артиллерийской мины! Рядом с ними, прямо на их зеленую лужайку, где они всей семьей любили поиграть, погонять мяч, упал снаряд, выпущенный из миномета. И унес жизни обоих. За происходящим с ужасом наблюдал семилетний Вазген, названный так в честь дедушки. Он побежал вслед за плачущей матерью и увидел страшную гибель своих родителей. Мальчик дико закричал! Он хотел броситься к ним, но малыша буквально перехватила на бегу выскочившая следом из дома тетя. Мариам схватила ребенка за руки и крепко прижала к себе, стараясь спрятать его глаза, не дать увидеть окровавленные родительские тела.

— Куда ты?! Туда нельзя, Вазген-джан, нельзя! Нет, нет, нет, Вазген-джан! Не надо! Не смотри!

Вазген, захлебываясь от слез и не в силах от горя что-либо произнести, продолжал вырываться из рук тети. Мариам, сама того не желая, посмотрела в сторону лужайки, куда он так отчаянно рвался, и похолодела от ужаса.

В дверях дома появилась маленькая Армине. Она застыла, увидев окровавленные тела, кажется,

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

не понимая до конца, что произошло. Мариам, увидев племянницу и ее остекленевший взгляд, громко завyla и бросилась к девочке, не выпуская из рук Вазгена. Она встала на колени и, крепко прижав к себе сирот, стала, как маятник, раскачиваться из стороны в сторону, рыдая от горя и отчаяния.

Вдруг Мариам как будто очнулась. Понимая, что дети остались на ее попечении и времени у них совсем нет, она взяла себя в руки:

— Дети, вставайте! Нам надо идти, надо идти быстрее в церковь, в церковь, слышите?! Вазген, Армине, принесите ту синюю сумку и быстро бежим! Я только возьму на кухне воды.

Вазген как будто не слышал этих слов. Он продолжал заворуженно смотреть в сторону лужайки, не в силах пошевелиться.

Мариам встряхнула его за плечо.

— Вазген! Вазген-джан, вспомни, что сказал отец! Думай о сестре!

Слова тети вывели мальчика из оцепенения. Он схватил сестренку за руку, и они побежали в комнату за сумкой с документами и вещами, собранными матерью.

В эту секунду раздался новый зловеший свист и уже другой снаряд упал на дом, почти полностью разрушив его. Мариам погибла сразу от ранения в голову. Дети же чудом не пострадали — получили только несколько глубоких царапин и ссадин. Сильно

кашляя, они выкарабкались из-под обломков второго этажа и, с трудом ориентируясь в густом облаке пыли, стали ползти по груде камней, пытаясь вылезти наружу. Увидев тело тети, Вазген моментально все понял — во время войны дети быстро взрослеют. Он крепко прижал к себе сестру и прерывающимся от слез голосом повторил как заклинание:

— Запомни, если что-нибудь со мной случится, иди в Бейрут! Там наш дедушка! Запомни, Армине, ты армянка! Наша фамилия Таниелян! Найди нашего дедушку Вазгена!

Девочка послушно кивнула и, потрянув веселыми кудряшками, прижалась к брату.

— Десятый, как слышишь? Прием? — раздался резкий голос в наушнике.

— Первый, слышу вас хорошо! — ответил пилот, ожидая приказ.

— До цели двенадцать минут. Как поняли?

— Понял вас, до цели двенадцать минут, — от- рапортовал летчик.

— Цель в квадрате восемь. Эвакуация гражданских завершена. Поддай им жару, Иссам! — в почти автоматическом голосе появились человеческие нотки.

— Слушаюсь, командир! Конец связи.

Иссам Салим, молодой летчик ВВС Сирии, повел свой старенький СУ-24МК на снижение, при-

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

стально вглядываясь в горизонт. Салим знал, что искать! Он точно знал, что в квадрате восемь находится армянская церковь Кесаба. Иссам вспомнил, как любил гостить тут у своего лучшего друга Нораира, с которым учился в летном училище. После окончания учебного заведения их и распределили в один летный отряд, в 819-ю эскадрилью на базу Тияс, что рядом с Хомсом. Пару месяцев назад его друг погиб в бою, сбитый турецкими ПВО. Что стало с его родными, Иссам не знал. И теперь он должен будет нанести ракетный удар по этому всегда гостеприимному, красивому городу, по их святыне. Но другого выхода просто не было. Наступление боевиков на город нужно было остановить любой ценой.

В районе церкви тем временем шел ожесточенный бой. Хорошо вооруженные отряды боевиков продолжали наступление с турецкой стороны. Бой шел за каждый дом, за каждую улицу. Солдаты сирийской армии вместе с местными отрядами самообороны несли огромные потери. Всю ночь они изо всех сил пытались сдержать атаку противника, но силы были неравны. К утру положение стало просто отчаянным.

Сегодня капитану сирийской армии Али Азару исполнилось тридцать пять лет. Он был родом изпод Дамаска, из семьи алавитов. Среднего роста, подтянутый симпатичный брюнет, с усиками, вот уже десять лет как счастливо был женат и воспитывал троих сыновей. Наверное, они жили слишком

хорошо, потому что кто-то проклял их жизнь и их страну. И наступил хаос. Али уже больше года не видел близких. Да у него не было даже времени думать о них! Столько смертей и горя он видел каждый день.

К капитану, пригибаясь, подбежал долговязый худенький связист и протянул рацию. Офицер зашел за баррикаду и приставил рацию к уху.

— Барс-3, Барс-3, это Сокол-1, у вас десять минут на эвакуацию гражданских! — услышал он приказ.

— Сокол-1, это Барс-3. Как — десять? Я просто не успею всех вывести! В церкви много женщин и детей! — возмущенно прокричал Али, хотя понимал, что спорить тут бесполезно.

Невозмутимый голос в радиии продолжил:

— Делай что хочешь, Али! Но убери их оттуда. У штурмовой авиации задача — снести все в Кесабе. Приказ никто отменять не будет! И вообще, по штабным данным, там никого уже не осталось! Конец связи.

Али бессильно уронил руку с рацией и растерянно посмотрел вокруг. Что можно было сделать за десять минут в такой обстановке?! Боевики наступали стремительно. Недостатка в людях и боеприпасах они не испытывали. С той стороны границы свежая сила поступала постоянно. За три дня боев этот небольшой зеленый город был почти полностью разрушен.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

Огонь с противоположной стороны улицы, на которой до войны располагались многочисленные магазинчики, резко усилился. Солдаты и ополченцы перестроились и открыли ответную стрельбу. Неожиданно из узкого переулка с другой стороны улицы на большой скорости выехал яркий бортовой пикап, по иронии весь обклеенный рекламой детского питания. В его кузове был установлен крупнокалиберный пулемет. Два боевика, развернув дымящийся ствол в их сторону, открыли из него шквальный огонь. На передовой линии убило сразу нескольких человек.

— Мушега убили! Аствац! Убили! — закричал мужчина в темной куртке.

Паренек в ужасе смотрел на тело своего отца. Лицо Мушега, командира отряда, превратилось в сплошное кровавое месиво. Юноша пригнулся и спрятался за самодельную баррикаду. Он накинул на голову капюшон от толстовки и, уткнувшись в колени, никак не мог остановить душившие его рыдания. С самых первых дней, как только война подступила близко к их городу, Мушег и его друзья организовали отряды самообороны. Он здесь родился и вырос, приходился родственником многим кесабцам. Это был его город, и оставлять его Мушег не собирался. Жители прекрасно понимали, что армия в одиночку не справится с постоянно пополняемыми людьми и оружием бандформиро-

ваниями. Мужчины всех возрастов взяли оружие и встали на защиту своих близких, своих домов, своего города. Большую часть женщин и детей успели эвакуировать до наступления боевиков, но все равно в городе еще оставались люди.

Рядом с Мушегом воевал и его семнадцатилетний сын. А сейчас, потеряв отца, парень хоть и плакал, но еще сильнее сжимал в руках автомат. Он вытащил из кобуры на поясе Мушега пистолет и вдруг понял, что больше никого не боится и будет сражаться за свой город до конца, как и его отец...

Капитан схватил за ворот стоявшего рядом с ним сержанта Сахима.

— Остаешься за старшего! Заставь его уже замолчать! Пять человек оставляю с тобой, остальные идут со мной к церкви. И запомни: как только увидишь, что грузовики отъезжают, — бегите! Через десять минут тут будет «воздух», — кивнув вверх, приказал Али.

Он тут же жестом указал, кому из солдат остаться, а кому идти с ним. К солдатам присоединилась и небольшая группа ополченцев. Под несмолкающую ни на секунду стрельбу отряд капитана перебежками сумел добраться до одного из более или менее не пострадавших переулков, чудом никого не потеряв. Местный доброволец повел их коротким путем через знакомые ему дворы к церкви.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

Сержант поднял ручной гранатомет и отдал его коренастому молодому солдату, показав в сторону грузовика с пулеметом на другом конце улицы.

— Постарайся не промахнуться!

Солдат со страхом и обреченностью взял протянутую базуку и поправил железную каску на голове. Он на секунду поднял глаза к небу, наверное, просил у Аллаха защиты, и, низко пригибаясь, пробежал метров пять к серому трехэтажному зданию бывшего банка. Боец спрятался за частично сохранившимся рекламным щитом, с которого улыбающаяся красивая пара предлагала взять ипотечный кредит и счастливо жить отдельно от родителей, и встал на колени. Оценив расстояние до пикапа, он приготовился к выстрелу. Но в этот момент сразу несколько пуль, выпущенных боевиками, прошили его насквозь.

Сержант крепко выругался и хотел было послать следующего солдата. Но вдруг его взгляд остановился на мальчишке лет четырнадцати в темном трикотажном костюме с человеком-пауком на груди. В руках этот почти ребенок крепко держал автомат. По его походке, по собранности всей фигуры и цепкому и почти спокойному взгляду было понятно, что он уже принимал участие в бою. Пацан находился недалеко от погибшего солдата, за деревянными ящиками, сложенными друг на друга у бывшего кафе. Он прекрасно видел, что произошло. Быстро оценив ситуацию, мальчик оставил

свой автомат и по-пластунски пополз к гранатомету. Солдат был еще жив. Вся его грудь была залита кровью. Он смотрел в небо широко раскрытыми глазами и, казалось, хотел что-то сказать. Но слышны были только хрипы, вырывающиеся из горла вместе с кровью. Юнец, преодолев свой страх, осторожно взял из рук умирающего гранатомет. Мальчишка осмотрелся и неожиданно для сержанта пополз в другую сторону, за угол дома, где раньше располагался любимый всеми кесабцами большой продуктовый магазин дяди Гаспара. В той, другой жизни, которой они раньше жили, здесь всегда было многолюдно и шумно. А в воздухе с раннего утра стоял аромат свежей выпечки и восточного кофе.

Мальчик забежал в разгромленный магазин, миновал торговый зал и быстро поднялся по полуразрушенной лестнице на крышу. Сержант наблюдал за ним хоть и с надеждой, но без какой-либо веры в успех задуманного мальчиком. Однако, увидев ловкого бойца на самом краю крыши, вдруг понял, что замысел подростка может осуществиться. Сержант, воодушевившись действиями юного бойца, приказал бойцам:

— Стреляйте, стреляйте! Нужно отвлечь их от мальчика!

Все солдаты и бойцы самообороны тут же открыли огонь по грузовику. И это действительно

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

сработало. Отвлеченные шквальным огнем боевики лишь в самый последний момент заметили подростка, развернули пулемет в его сторону и начали стрелять. Но было уже поздно. Юный защитник родины нажал на спусковой крючок, и выпущенная им граната разнесла ко всем чертям маленький грузовик с пулеметом. Вслед за подрывом пикапа на улице послышался другой «взрыв» — горестный вопль всех бойцов, увидевших, как окровавленное тело ребенка упало с крыши на тротуар.

На подступах к городу, на одном из высоких зеленых холмов, что окружали некогда живописный Кесаб, расположился штаб главаря группировки Абдуллы. Недавно появившийся на этой земле, именовавший себя «оппозиционером», он уже был печально известен своей неоправданной, почти маниакальной жестокостью буквально ко всем и во всем.

На возвышении, поставив одну ногу на деревянный ящик с боеприпасами, Абдулла впился глазами в цифровой немецкий бинокль Бушнелл. Кажется, он следил за ходом боя. А может, просто получал удовольствие от обладания дорогой германской «игрушкой», доставшейся ему от турецкого инструктора. Абдулла преклонялся перед всем немецким и давно мечтал перебраться в Берлин или Мюнхен. Но! Пока на переезд еще надо было заработать.

Одетый в серо-зеленую военную форму без знаков различия, с черной банданой на голове, он выглядел грозно. У него была густая черная борода, широкие брови, тяжелый взгляд темных глаз. Из-за густой растительности на его лице определить возраст главаря группировки было сложно. Бывший военный ливийской армии, Абдулла (его настоящего имени никто не знал) вот уже много лет воевал против неверных. Хотя... вопрос веры был второстепенным. Работа, за которую хорошо платят и где есть чем поживиться, — вот что привлекало его больше всего в войне. Особенно после того, как у себя на родине он стал изгоем и человеком второго сорта, ибо предал Каддафи и назвал врагам место его укрытия. Сейчас он просто выполнял очередную кровавую работу в Сирии и со всей жестокостью расправлялся с мирными жителями захваченных территорий. Абдулла получил приказ захватить населенный в основном христианами Кесаб и зачистить город от всех неверных. А кто отдавал этот приказ и кому это было нужно — его не волновало.

Неожиданно раздался сильный взрыв на одной из центральных улиц города. Абдулла направил свой мощный бинокль в ту сторону, откуда послышался взрыв, и увидел высокий столб дыма.

— В чем дело? Что это? Узнайте, быстро! — не оборачиваясь, приказал он.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

Нескладный худенький радист с очень большой головой сидел неподалеку от него. Он тут же о чем-то спросил по рации. Выслушав ответ, опустил глаза, чтобы не встречаться взглядом с командиром, с опаской подошел сзади и немного сбоку на безопасное расстояние.

— Они подорвали пулемет! Кямал погиб, командир!

— А-а-а-а! Шайтан! Они мне за это ответят! — зарычал Абдулла. — И предупреди всех внизу: если упустят из церкви этих нечестивых собак, я сам им головы отрежу.

Испуганный радист, нисколько не сомневающийся в правдивости слов командира, быстро вернулся к рации. Он стал что-то лепетать в радиомикрофон, то и дело с опаской посматривая на Абдуллу. Уж слишком много смертей своих же боевиков, не выполнивших приказ и умерших от его рук, видел радист за недолгое время, что находился рядом с главарем.

В церкви, духовном и культурном центре жителей Кесаба, было тесно и душно. Отовсюду были слышны непрерывающийся плач, всхлипывания, причитания. Детям было очень страшно, и все хотели есть, пить. В углу молодая мать бережно держала на руках раненую девочку лет семи. Ей только что сделали перевязку работники Красного Креста

и ввели успокоительное. Ребенок тихо постанывал от боли.

Недалеко от алтаря громко рыдала арабская женщина средних лет в традиционной мусульманской одежде. Сегодня она потеряла мужа и одного из сыновей. Убитая горем еще совсем молодая женщина прижимала к груди выжившего младшего ребенка с перевязанной головой. Успокоить ее не удавалось никому.

— А-а-а-а! Живот болит! — не переставая, громко кричал маленький мальчик с маленькой повязкой на бедре, доводя всех собравшихся до отчаяния. Но что можно было поделать в такой обстановке?!

Среди местных жителей, находившихся в церкви, выделялись несколько европейцев, на которых были надеты яркие красные жилеты представителей Красного Креста. Они как могли всеми доступными им способами пытались помочь людям, хоть чуточку облегчить их положение — раздавали воду, обезболивающие препараты, перевязывали раны...

В дверях церкви появился тридцатилетний высокий голубоглазый молодой человек с темно-русыми волосами. Он быстро оглядел временный лазарет и подошел к очень похожей на него девушке.

— Валери! Помогите вначале женщинам и детям! Их мы грузим первыми! И торопитесь, бежен-

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

цев нужно подготовить к эвакуации еще до приезда транспорта! — сказал он по-французски.

— Но Серж! Ведь машин пока нет! Известно, когда они будут? И вообще будут ли?!

С улицы послышался громкий взрыв, прозвучавший неподалеку. На секунду на лице Валери появилось выражение страха. Серж подошел к сестре и нежно сжал ее локоть. Валери посмотрела на любимого брата и немного успокоилась. Он был для нее самым родным человеком, которым она так восхищалась и на которого всегда хотела походить — быть отважной, уметь жертвовать собой, а главное — любить людей, как любил их он. Брат был единственным для нее авторитетом во всем. Однажды Серж увидел по телевизору репортаж о войне в Сирии, где показывали бедственное положение мирного населения. И это навсегда изменило их жизнь. Не колеблясь ни минуты, он записался в Красный Крест.

— Не знаю, сестренка. В такой обстановке трудно что-нибудь сказать наверняка... Они должны были быть здесь еще час тому назад. Сейчас это не имеет значения, наша задача — подготовить людей к эвакуации и построить их так, чтобы не было задержек при погрузке. Машины могут появиться в любой момент. И, Валери... держись, на тебя все смотрят!

Валери грустно улыбнулась Сержу и крепко сжала его руку. К ней подошла пожилая женщина.

— Что тебе сказал твой муж?

— Это мой брат! — гордо произнесла девушка и, обернувшись и собрав все внутренние силы, стала громко отдавать приказы на арабском: — Всех женщин и детей прошу встать на эту сторону в очередь. Так мы быстрее сумеем рассадить вас по машинам!

— Какие машины?! Ведь их нет! Всех тут убьют! Нас здесь просто бросили! Что будет с нашими детьми?! — подскочила к Валери совсем молодая истеричная женщина со сбившимся платком и двумя толстыми косами.

— Никто нас не бросил! Машины сейчас придут! Прошу всех встать в очередь! Поторопитесь!

— Зачем вставать?! Мы все равно погибнем! Нет никаких машин! Ведь их уже не будет?! — с отчаянием спросила пожилая женщина в черном платке, стиснув в ладони руку Сержа и с надеждой ожидая от него ответа.

— Успокойтесь все, пожалуйста! Даже если машин не будет, ваши мужья и сыновья обязательно отобьют атаку! Главное — нужно верить! А теперь делайте, что вам говорят, — уверенно произнес Серж.

— Машины! — раздался со стороны дверей звучный голос Бертрана, немолодого врача-бельгийца, добровольно приехавшего в Сирию еще год назад. Сегодня он уже мало походил на того веселого, улыбчивого шутника, который выходил из самолета авиакомпании «Сириан Эйр» в меж-

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

дународном аэропорту Дамаска. Повидав немало горя на сирийской земле, он уже редко улыбался и шутил.

Двери церкви резко распахнулись, и на пороге появился капитан Али со своим отрядом.

— Грузовики здесь! На погрузку у нас всего пять минут! Слышите?! Не больше! Через пять минут самолеты нанесут удар с воздуха!

Люди, все и сразу, бросились к выходу. Но работники Красного Креста, несколько солдат и настоятель церкви отец Ованес начали наводить порядок, чтобы не создалась давка. У двух приехавших грузовиков ополченцы принялись помогать женщинам побыстрее забираться в кузов, а затем стали передавать им детей и скудные пожитки.

По мере приближения боевиков звуки выстрелов были слышны все громче. А защитников из отряда самообороны с каждой минутой становилось все меньше и меньше. Но люди стояли до последнего. Ведь за ними были их дети, жены, матери. Они прекрасно понимали, что тех ждет, попади они в руки к боевикам.

Недалеко от церкви, на захваченных боевиками улицах, постоянно слышались выстрелы, крики, вопли, мольба. Головорезы врывались в дома и, не раздумывая, нажимали на спусковой крючок, убивая всех, кто не смог уйти. Впрочем, это была

«обдуманная» жестокость. Жуткая слава об их зверствах быстро разнесется далеко на юг и восток от этого крайнего пограничного городка и сыграет роль пугала, которое очистит многочисленные села и города быстрее любой артиллерии.

Но если ты остался и не сбежал из своего дома, то получить пулю и быстро умереть — это был еще «желанный» вариант смерти для местного жителя. Боевики измывались и мучили людей, не считаясь ни с возрастом, ни с полом своей жертвы.

— Что с этими делать, Махмуд? Двойняшки тут! Но им уже одиннадцать лет! — спросил у бывалого вояки новичок Аскер.

— Одиннадцать, говоришь?! Абдулла сказал, только до десяти! Этих в расход! Давай!

Аскер уже поднял автомат, но Махмуд вдруг передумал.

— Подожди! Вроде крепкие, здоровые ребятки! Этих и к врачам можно! Вяжи их и вези на базу!

За большим коричневым домом с отделанным мрамором фасадом, спрятавшись за выступ входа, молодая журналистка своей полупрофессиональной камерой пыталась запечатлеть весь тот кошмар, что творился вокруг. Это была Беата Климчик из Польши. В каске и бронежилете с надписью «PRESS» она неожиданно оказалась в самой гуще событий.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

— Уходи! Уходи отсюда! Убьют! — натываясь на нее, то и дело кричали по-арабски отступающие солдаты, которым она просто мешала.

Боевики были уже совсем близко, когда к Беате подскочил сержант Сахим и схватил за руку.

— Беги, дура! Убьют тебя! Беги к церкви!

Он довольно грубо подтолкнул журналистку в нужную сторону. Увидев, что та побежала в указанном направлении, сержант улыбнулся и тут же получил вражескую пулю в живот.

Один из грузовиков у церкви был уже полностью утрамбован людьми. Серж постучал по борту, и водитель надавил на педаль газа. Перегруженная машина тяжело тронулась с места. Не проехав и двадцати метров, она тут же попала под град пуль. Это из одной из боковых улиц выбежали несколько боевиков и открыли огонь на поражение. В кузове среди людей началась паника.

— Доченька, моя доченька! — закричала женщина в черном платке, та, что совсем недавно разговаривала в церкви с Сержем. Зарывав, она склонилась над телом своей погибшей дочери. Рядом, истекая кровью, смертельно раненная молодая женщина прижимала к себе уже бездыханное тельце трехлетнего малыша. Еще несколько человек были ранены, но капитан не разрешил водителю останавливаться, показывая рукой на небо. Бойцы из отряда самообороны, прикрывавшие грузовики

с людьми, сумели вовремя уничтожить стрелявших, потеряв при этом еще одного своего товарища. Капитан Али посмотрел на часы и побежал к Сержу.

— У нас всего пара минут. Заканчивайте!

— Почти всех погрузили! — прокричал Серж, помогая последним женщинам с детьми забраться в машину. Он подтолкнул сестру, прижимавшую к себе маленького плачущего мальчика, мать которого была убита еще вчера, в сторону кабины.

— Быстрее! Садись!

— А ты?! Я без тебя никуда не поеду! — воскликнула Валери, но Серж ее успокоил.

— Я буду в кузове. Быстрее!

Он помог ей залезть в кабину водителя и захлопнул следом дверь.

— Давайте руку, — обратился Серж к отцу Ованесу.

— Я никуда не поеду, останусь с ребятами, — кивнул он в сторону ополченцев.

Перехватив взгляд Сержа на появившийся на его плече автомат и оценив удивленное выражение парня, он усмехнулся.

— Время разбрасывать камни и время собирать! — Святой отец положил руку на приклад. — Сейчас настало его время! А молиться будем потом! Прощай, француз!

Священник перекрестил пассажиров, повернулся к ним спиной, передернул затвор и быстрым

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

шагом двинулся в сторону улицы, где шел бой. Серж секунду смотрел вслед нестигаемому священнику, уверенно шагавшему навстречу смерти.

— Прости, Абдулла, но они увозят людей из церкви на двух грузовиках! — сказал подбежавший к мрачному ливийцу один из боевиков.

Абдулла схватил того за грудки и стал трясти как тряпичную куклу.

— Я вас всех, всех положу в этом Кесабе! Уроды! Я сказал, что ни один человек не должен покинуть этот город без моей воли! Сделайте так, чтобы они все стали вашими рабами! Или вы сами станете трупами! Передай всем! Всем! Перекройте выезд на юг! Не дайте им уйти! Иначе нам не заплатят! Мужчин, за исключением иностранцев и офицеров, уничтожать на месте. Женщин до тридцати пяти и детей до десяти оставлять на продажу, остальных — в расход, — прорычал он свирепо.

Абдулла отшвырнул боевика и так злобно на него зыркнул, что тот вскочил и со всех ног помчался выполнять страшный приказ.

— Вы все за ним! И не дай вам Аллах разочаровать меня! — приказал он группе боевиков, находившихся с ним на холме. Рядом с собой он оставил только радиста и одного солдата.

Боевики, зная крутой нрав командира, не раздумывая, побежали в сторону своих автомобилей. Аб-

дулла приготовился еще раз посмотреть в бинокль. Взгляд его случайно наткнулся на отрезанные головы двух местных жителей, положивших немало его бойцов, прежде чем их схватили и казнили по его приказу.

— Хамди! Убери эти головы отсюда, воняют.

Беата больше не геройствовала, а просто пыталась убежать и спастись от этого кошмара. Рядом с ней то и дело гибли бойцы и солдаты. Ей стало казаться, что, кроме красного цвета, цвета крови, она ничего больше не видит вокруг. Беата забежала за угол и тут же наткнулась на лежащего посреди улицы мужчину, у которого все внутренности были вывернуты наружу. Она закричала, и ее стошнило. Девушка побежала вперед, не совсем осознавая, куда именно она движется. Журналистка бежала до тех пор, пока не уперлась в двух бородатых боевиков, державших наготове автоматы и готовых пристрелить каждого, кто встанет у них на пути. Девушка судорожно сглотнула, сразу подняла руки и стала кричать.

— Don't shoot! Press, I'm press!¹

Беата одной рукой энергично показывала на надпись у себя на груди, пытаясь немного успокоить боевиков. Они начали приглядываться

¹ Не стреляйте! Пресса, я журналист! (англ.)

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

к привлекательной белокожей девушке. Красивые миндалевидные глаза, маленький изящный носик, пухлые губки. Один из них, упитанный коротышка, улыбнулся, обнажив кривые гнилые зубы, и на арабском обратился к своему тщедушному долговязому товарищу:

— Смотри, какая красавица, у нее белые волосы, — ткнул он пальцем в сторону выбившейся пряди светло-пепельных волос Беаты. — И голубые глаза, а какая кожа! Белая, белая! Никогда такую даже не трогал! Конечно, она слишком худая, но зато какая хорошая! Я всегда мечтал попробовать белокожую!

— Совсем с ума сошел, Керим! Головы хочешь лишиться?! Ты слышал приказ?! Ее к Абдулле надо отвести! Не то плохо будет, если командир узнает, — испуганно произнес боевик, пожирая глазами красавицу. Он никогда даже близко не видел таких женщин.

— Да ладно тебе, никто не узнает. Ведь никого нет рядом. Потом отведем, а сейчас сами поиграем! Соглашайся! — обходя свою добычу вокруг, предложил более смелый Керим. — Посмотри, какая у нее задница!

Его друг посмотрел по сторонам и, не увидев своих подельников, осмелел.

— Ладно, давай, но только быстро! Когда еще успеем такое испытать! Если только в раю! Нас убить могут в любую минуту.

Журналистка немного знала арабский и быстро поняла, что у них на уме. Беата стала медленно отходить, хотя и знала, что бежать опасно — эти выстрелят не задумываясь.

Боевики отбросили автоматы за спину и, сделав рывок, схватили Беату за руки, грубо потащили ее в сторону приоткрытой двери какого-то дома. От ужаса журналистка стала кричать, отбиваться, пинать боевиков, но это только еще больше распалило насильников. Керим, получивший от нее царапину, стал срывать с девушки одежду. Чтобы не терять времени, парни решили не заходить внутрь дома, а повалили ее прямо у стены. Керим, наконец, сумел стащить с нее жилет, а его подельник расстегнул ей брюки. Беата с удвоенной силой стала изворачиваться и умудрилась больно укусить Керима. Не ожидавший этого боевик закричал от боли и наотмашь, с силой, ударил ее по лицу. Девушка отлетела в сторону. В этот момент лежащий в двадцати метрах от них тяжелораненый сержант Сахим, собрав остатки сил, сумел дать последнюю очередь из автомата и убить обоих боевиков. Еще не поверившая в свое спасение Беата кое-как поднялась, убрала с лица длинные спутанные волосы и, увидев, что негодяи мертвы, шатаясь, подбежала к сержанту.

— Опять ты?! — улыбнулся он. — Беги! Спасайся! — успел прошептать смертельно раненный и закрыл глаза.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

Девушка все еще не пришла в себя от пережитого. Она смахнула слезы с глаз и, подхватив лежащую на земле камеру, попыталась кое-как прикрыться разорванными остатками рубашки, а потом бросилась бежать...

Вторая машина уже готова была отъехать, когда стал слышен рев приближающегося штурмовика.

— Быстрее! Быстрее! Самолеты уже близко! Отъезжай! — стал кричать капитан водителю грузовика и сам запрыгнул на подножку, чтобы отстреливаться по дороге. Валери в зеркало увидела, как Серж и еще один солдат, погрузив беженцев, последними были готовы запрыгнуть в кузов. Но в эту минуту к ним подбежала запыхавшаяся женщина в разорванной одежде.

— Помогите мне! Помогите! Я польская журналистка!

— Быстрее лезьте в кузов! — немного раздраженно бросил Серж и помог ей подняться в машину.

Грузовик медленно тронулся с места, и тут вдруг французу показалось, что метрах в семидесяти от церкви, в полуразрушенном доме, он увидел двух детей. Они пытались выбраться из-под завала. Серж даже решил, что ему это привиделось.

— Ты видел? Там дети? — с сомнением спросил он у солдата.

— Да! Куда ты?! Вернись! Ты все равно не успеешь им помочь! — крикнул он Сержу, уже прыгнувшему с машины.

Француз побежал в сторону дома, где увидел детей. Солдат понимал, что они в любом случае не успеют вернуться. Но видя, что чужеземец сломя голову кинулся спасать его соотечественников и не собирался останавливаться, выругался и последовал за ним.

Грузовик с людьми уже набирал скорость.

— Куда?! Назад! Назад! — стал кричать Сержу капитан.

Но ни Серж, ни солдат его уже не слышали. Они подбежали к полуразрушенному дому и увидели двух детей, девочку и мальчика, примерно пяти и семи лет, с ног до головы покрытых пылью. Мальчик поддерживал сестру — они пытались вскарабкаться по камням наружу. Увидев незнакомцев, дети крепко прижались друг к другу и испуганно посмотрели на подбежавших мужчин. Совсем недалеко от них лежал труп молодой женщины. По-видимому, это была их мать, а может, просто кто-то из близких. Серж подбежал и, подтянув девочку, взял ее на руки, а поспевающий за ним солдат схватил мальчика, но уйти они уже не успели.

— Десятый, десятый! Прием! Десятый, к атаке готов? — раздался голос в наушнике у Исама.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

— Первый, это десятый! Прием! На позиции! К атаке готов! — обреченно отрапортовал он.

— Во имя Аллаха, атакуйте!

Исам, стиснув зубы, помедлил секунду и нажал на кнопку пуска ракет.

Все вокруг сразу превратилось в ад. Все близлежащие от церкви улицы с находившимися на них боевиками и не успевшими уйти солдатами были взорваны. Церковь и дома на соседних улицах были полностью уничтожены. От дыма и пыли поначалу ничего не было видно. Казалось, погибло все! В последний момент каким-то чудом уцелевший грузовик на максимальной скорости выскочил из черного облака дыма. Валери увидела, как ее брат ворвался в соседний дом перед самой воздушной атакой. У нее началась истерика, и девушка попыталась открыть дверь.

— Сиди, дура! Куда! Там уже некого спасать. И ты погибнешь! — удерживая ее за руку, выкрикнул по-арабски водитель. И тут прямо перед ними разорвался снаряд.

ПАРИЖ

Ксавье Верне очень любил раннее утро. Он всегда выходил из дома в половине седьмого и не спеша шел в сторону особняка своего патрона. На почти безлюдных улицах родного города уже на-

чиналась жизнь. То и дело его обоняние приятно щекотали запахи свежее испеченных булочек, круасанов, заваренного кофе. На углу старинной улицы Вольтер мсье Жавер вот уже на протяжении многих десятилетий жарил необыкновенно вкусные каштаны. Наверное, он был последним «этническим» французом, который занимался этим делом на парижских улицах. Ксавье специально каждый день делал крюк, чтобы купить пакетик этого чудесного лакомства. Затем он, не торопясь, выпивал чашечку ароматного кофе у мсье Густава. Привычке этой было уже много лет. А самое главное, Ксавье было комфортно на улицах именно в это время, когда не видно ни многочисленных туристов, ни еще более многочисленных и разношерстных парижан. Ему нравилось смотреть на редких прохожих, идущих по чистым улицам в маленькие кафе, чтобы выпить чашечку кофе перед работой. Весь этот ежедневный ритуал позволял Верне сохранять спокойствие и веру в незыблемость его внутреннего мира.

Ксавье уже подходил к старинному роскошному трехэтажному особняку в стиле Людовика XVIII, в самом центре Парижа, принадлежащему известному меценату Олегу фон Праслофф, когда у него друг зазвонил телефон.

«Странно! Кто это в такую рань?» — подумал он и ответил на звонок с незнакомого номера.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

— Слушаю. Да, это я. Да. Да... Но как?!.. Это достоверные сведения? Что можно предпринять? Ясно. Конечно, я все передам, — закончил разговор заметно побледневший Ксавье.

Праслоффа душила боль. Нет, это была не та физическая боль, которая не давала ему покоя ни днем ни ночью вот уже несколько лет. Нет, ту он научился терпеть и укрощать. Эта была страшная, изощренная боль, которая выворачивала наизнанку его душу, разрывала сердце, впивалась в мозг. Он просто не знал, что делать, как уйти от этой всепоглощающей боли. А главное, он совершенно не представлял, что можно сделать для их поиска, как их вернуть?! Внуки — это было все, что у него осталось после нелепой, трагической смерти любимого сына и невестки. И теперь они пропали! Никто и ничего о них не знает. Никто не может ему помочь.

В дверь тихонько постучали, и в спальню вошел его помощник и доверенное лицо — Ксавье. Старик приоткрыл глаза и с надеждой посмотрел на своего больше чем просто помощника. Среднего роста худощавый брюнет лет пятидесяти или чуть больше, в добротном сером костюме нерешительно подошел к массивной резной кровати, поправил очки в дорогой золотой оправе.

— Доброе утро, мсье! Хотя добрым его можно назвать условно. У меня... не самые лучшие ново-

сти. Только что подтвердили, что миссия Красного Креста в Кесабе уничтожена. Следы всех сотрудников потеряны. Город в руках боевиков. Боюсь, что Серж и Валери...

— Сколько? — неожиданно крепким голосом спросил старик.

— Простите? — не понял помощник.

— Сколько прошло времени?

— Сегодня третий день, господин Праслофф.

Старик попытался встать, несмотря на то что это движение причиняло ему сильную боль. Ксавье подошел ближе и хотел помочь подняться, но тот категорически отказался и со второй попытки сумел встать сам.

— Вызвать врача? Вам плохо?

Неожиданно старик выпрямился, взял из рук Ксавье трость и, опираясь на нее, твердым голосом приказал:

— К черту врача! Ксавье, пусть срочно подготовят к поездке машину, и подайте мне костюм. Затем соедините меня с министром внутренних дел. Немедленно!

Праслофф уже стоял у большого старинного венецианского зеркала, поправляя галстук, когда помощник передал ему трубку.

— Доброе утро, мсье Праслофф! — раздался в трубке звонкий голос министра.

СИРИЙСКИЙ КАПКАН

— Не знаю, доброе ли оно, Николая. Возможно, вы уже знаете, что три дня назад в Сирии пропали мои внук и внучка!

— Да, конечно, мсье, мы в курсе и очень сочувствуем вам. И мы, как вы знаете, неоднократно их предупреждали, что ехать в этот регион не сле...

— Они поехали не в туристическую поездку, а выполнять свой гражданский долг, так как считали это нужным! — властно перебил министра старик.

Министр на том конце телефонного провода замер от неожиданности. Кажется, даже задержал дыхание.

— И сейчас вопрос в том, смогу ли я выполнить свой родительский долг перед ними, — чуть смягчив тон, продолжил Праслофф. — Николая, это единственные родные мне люди. Вы ведь знаете это! После смерти сына у меня никого не осталось! Помогите мне найти их! Задействуйте все возможные связи.

После небольшой паузы министр осторожно продолжил разговор.

— Я, конечно, понимаю ваше горе, но... Поймите, это непростой вопрос! На сегодняшний день территория, на которой ведутся боевые действия, никем не контролируется, боевики не идут ни с кем на контакт. Нам не с кем договариваться! Они про-

сто массово убивают местных жителей и показательно проводят казни иностранных заложников.

От этих слов старику стало трудно дышать, и он слегка ослабил узел галстука.

— И так как никто не предложил продать ваших внуков за деньги, прошу прощения, то надо... готовиться к худшему, — сочувственно продолжил министр. — Но есть и хорошая новость — до сих пор никто не предложил выкупить их тела! А значит, есть шанс, что они живы. Пусть и небольшой, но все-таки шанс.

— Продать тела?! Умеете вы обнадежить, министр, — грустно усмехнулся Праслофф.

— Мне жаль, но, к сожалению, такова сегодняшняя действительность, и мы ничем не сможем вам помочь, — констатировал факт министр.

— Если вы и ваше ведомство так бессильны, может, на территории Французской Республики есть кто-то другой, кто обладает большими возможностями и полномочиями, чем вы? И сможет помочь мне в этом деликатном вопросе? В конце концов, я почетный гражданин этой страны. Или мне нужно позвонить президенту лично? — с негодованием набросился на собеседника Праслофф.

Министр, не раздумывая, ответил.

— Не думаю, что разговор с президентом что-то изменит или он сообщит вам нечто новое. Я действительно ничего не могу вам предложить. И даже

не знаю, какой совет дать в этой ситуации. На сегодняшний день шансов нет никаких. Надо просто ждать!

В полной тишине Праслофф, не прощаясь, отдал трубку Ксавье.

Старик пытался найти какой-нибудь выход из ситуации. В раздумьях он подошел к старинному комоду и взял рамку с фотографией внуков. Высокий, спортивного телосложения голубоглазый шатен с обаятельной улыбкой обнимает красивую девушку со светлыми волосами и глазами цвета бирюзы. Они были очень дружны с самого детства, но после гибели родителей стали просто неразлучны. Олег слегка улыбнулся, когда вдруг вспомнил, как Валери, еще только научившаяся ходить, всюду следовала за братом, не давая ему даже уединиться с друзьями и подружками. Брат начинал возмущаться, но, видя ее сияющие, полные любви и доверия глаза, смягчался и ласково трепал по щечке. Серж называл ее — моя Липучка. Ни родители, ни он сам, ни влюбленные в нее мальчики, даже те, кому она отвечала взаимностью, не могли вызвать у нее в глазах такое искреннее сияние. Вспомнил, как тяжело она переживала, когда Серж поступил в университет и решил пожить, как все студенты, на съемной квартире с однокурсниками. Они оба блестяще окончили медицинский факультет. Серж стал от-

личным полостным хирургом, а сестра решила связать себя с офтальмологией. В университете у нее появилось много друзей, но самой близкой подругой стала Фатима, студентка из Иордании. Способная к языкам, Валери решила выучить арабский язык и вскоре стала говорить на нем легко и непринужденно.

Следует отметить, что именно Серж по своему желанию пошел в медицину. Валери решила стать врачом просто потому, что эту стезю выбрал брат. Он был для нее безоговорочным авторитетом буквально во всем. И это стало причиной того, почему она, не колеблясь ни минуты, последовала за ним в опасную поездку в чужую страну, хотя Серж долго отговаривал ее от этого шага. Валери была искренне возмущена, когда брата не поддержала его девушка Сюзанна.

— Я знаю арабский, а ты нет. Тебе не справиться одному, — убеждала она Сержа.

— Соедини меня с Бариньи, — очнувшись от воспоминаний, сказал Праслофф помощнику. Поставив фотографию на место, он с трудом сел в кресло.

Через час с небольшим, одетый в отлично сшитый темно-синий костюм-тройку, старик сидел в кабинете начальника спецслужб. Праслофф тяжело опирался на свою трость, старался, невзирая на боль, выглядеть достойно.